

А.В. АМФИТЕАТРОВ **(1862—1938)**

Господа Обмановы

Когда Алексей Алексеевич Обманов, честь честью отпетый и помянутый, успокоился в фамильной часовенке при родовой своей церкви в селе Большие Головотяпы, Обмановка тож, впечатления и толки в уезде были пестры и бесконечны. Обесхозяилось самое крупное имение в губернии, остался без предводителя дворянства огромный уезд.

На похоронах рыдали:

— Этакого благодетеля нам уже не нажать.

И в то же время все без исключения чувствовали:

— Фу, пожалуй теперь и полегче станет.

Но чувствовали очень про себя, не решаясь и конфузясь высказать свои мысли вслух. Ибо — хотя Алексея Алексеевича втайне почти все не любили, но и почти все конфузились, что его не любят, и удивлялись, что не любят.

— Прекраснейший человек, а вот поди же ты... Не лежит сердце!

— Какой хозяин!

— Образцовый семьянин!

— Чады и домочадцы воспитал в страхе божием!

— Дворянство наше только при нем и свет увидало!

Высоко знамя держал-с!

— Дас-с, не то что у других, которые! Повсюду теперь язвы-то эти пошли: купец-каналья, да мужикофилы, да оскудение.

— А у нас без язвов-с.

— Как у Христа за пазухой.

Словом, казалось бы, все причины для общественного восторга соединились в лице покойника, и все ему от всего сердца отдавали справедливость, и однако, когда могильная земля забарабанила о крышку его фоба, — на многих лицах явилось странное выражение, которое можно было толковать двусмысленно — и как:

— На кого мы, горемычные, остались.

И:

— Не встанет. Отлегло.

Двусмысленного выражения не остались чуждыми даже лица ближайших семейных покойного. Даже супруга его, благодетельствованная им, ибо, взятая за красоту из гувернанток, Марина Филипповна, когда перестала валяться по кладбищу во вдовьих обмороках и заливаться слезами, положила последние кресты и последний поклон перед могилою с тем же загадочным взором:

— Кончено. Теперь совсем другое пойдет.

Сын Алексея Алексеевича, новый и единственный владелец и вотчинник Больших Головотяпов, Никандр Алексеевич Обманов, в просторечии Ника-милуша, был смущен более всех.

Это был маленький, миловидный, застенчивый молодой человек с робкими, красивыми движениями, с глазами то яснодоверчивыми, то грустно обиженными, как у серны в зверинце.

Перед отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему: нет. Попросился он, кончая военную

гимназию, в университет, — родитель посмотрел на него холодными, тяжелыми глазами навывкате:

— Зачем? Крамол набираться? Никандр Алексеевич сказал:

— Как вам угодно будет, папенька.

И так как папеньке было угодно пустить его по военной службе, то не только безропотно, но даже как бы с удовольствием проходил несколько лет в офицерских погонах. В полку им нахвалиться не могли, в обществе прозвали Никою-милушею и прославили образцом порядочности; все сулило ему блестящую карьеру. Но как скоро Алексей Алексеевич стал стареть, он приказал сыну выйти в отставку и ехать в деревню. Сын отвечал:

— Как вам угодно будет, папенька.

И только Марина Филипповна осмелилась было заикнуться перед своим непреклонным повелителем:

— Но ведь он может быть в тридцать пять лет генерал!

На что и получила суровый ответ:

— Прежде всего, матушка, он дворянин и должен быть дворянином. А дворянское первое дело — на земле сидеть-с! Да-с! Хозяином быть-с! И когда я помру, желаю, чтобы сию священную традицию мог он принять от меня со знанием и честью.

И сидел Ника-милуша в Больших Головотяпах, Обмановке тож, безвыходно, безвыездно, — к хозяйству не приучился, ибо теории-то дворянско-земельные старик хорошо развивал, а на практике ревнив был и ни к чему сына не допускал:

— Где тебе! Молод еще! Приглядывайся: коли есть голова на плечах, когда-нибудь и хозяин будешь.

— Слушаю, папенька. Как вам угодно, папенька.

За огромным деревенским досугом, совершенно бездельным, ничем решительно не развлеченным и не утешенным, Ника непременно впал бы в пьянство и

разврат, если бы не природная опрятность природы и опять-таки не страх родительского возмездия. Ибо — каких-каких обвинений ни взводили на Алексея Алексеевича враги его, а тут пасовали:

— Воздержания учитель-с.

— Распутных не терплю! — рычал он, стуча по письменному столу кулачищем. И, внемля стуку и рыку, все горничные в доме спешили побросать в огонь безграмотные цидулки, получаемые от «очей моих света, милаво предмета», так как достаточно было барину найти такую записку в сундуке одной из домочадиц, чтобы мирная обмановская усадьба мгновенно превратилась в юдоль плача и стенаний и преступница с изрядно нахлестанными щеками и с дурным расчетом очутилась со всем своим скарбом за воротами:

— Ступай жалуйся!

И все трепетали, и никто не жаловался.

Целомудрие Алексея Алексеевича было тем поразительнее и из ряда вон, что до него оно отнюдь не могло считаться в числе фамильных обмановских добродетелей. Наоборот. Уезд и по сей час еще вспоминает, как во времена оны налетел в Большие Головоотяпы дедушка Алексея Алексеевича, Никандр Памфилович, — бравый майор в отставке с громовым голосом, с страшными усищами и глазами навывкате, с зубодробительным кулаком, высланный из Петербурга за похищение из театрального училища юной кордебалетной феи. Первым делом этого достойного деятеля было так основательно усовершенствовать человеческую породу в своих тогда еще крепостных владениях, что и до сих пор еще в Обмановке не редкость встретить бравых пучеглазых стариков с усами как лес дремучий, и насмешливая кличка народная всех

их зовет «майорами». Помнят и наследника Майорова, красавца Алексея Никандровича. Этот был совсем не в родителя: танцовщиц не похищал, крепостных пород не усовершенствовал, а, явившись в Большие Головотяпы как раз в эпоху эмансипации, оказался одним из самых деятельных и либеральных мировых посредников. Имел грустные голубые глаза, говорил мужикам «вы» и развивал уездных львиц, читая им вслух «Что делать?». Считался красным и даже чуть ли не корреспондентом в «Колоколе». Но при всех своих цивилизных добродетелях обладал непостижимою слабостью — вовлекать в амуры соседних девиц, предобродушно — и, кажется, всегда от искреннего сердца — обещая каждой из них непременно на ней жениться. Умер двоеженцем — и не под судом только потому, что умер. И вот после таких предков, — вдруг Алексей Алексеевич! Алексей Алексеевич, о котором вдова его Марина Филипповна, по природе весьма ревнивая, но в течение всего супружества ни однажды не имевшая повода к ревности, до сих пор слезно причитает:

— Бонне глазом не моргнул! Горничной девки не ущипнул!

Картины голые, которые от покойника папеньки в дому остались, поснимать велел и на чердак вынести.

Так выжил Алексей Алексеевич в добродетели сам и сына в добродетели выдержал.

Единственным органом печати, пониравшим в Обмановку, был «Гражданин» князя Мещерского. Хотя в юности своей и воспитанник катковского лицея, Алексей Алексеевич даже «Московских ведомостей» не признавал:

— Я дворянин-с и дворянского чтения хочу, а от них приказным пахнет-с.

— Но ведь Катков... — пробовали возразить ему другие, столь же охранительные «красные околыши».

— Катков умер-с.

— Но преемники...

— Какие же преемники-с? Не вижу-с. Земская ярыжка-с. А я дворянин.

И упорно держался «Гражданина». И весь дом читал «Гражданина». Читал и Ника-милуша, хотя злые языки говорили, и говорили правду, будто подговоренный мужичок с ближайшей железнодорожной станции носил ему потихоньку и «Русские ведомости». И — будто сидит, бывало, Ника, якобы «Гражданин» изучая, — ан под «Гражданином»-то у него «Русские ведомости». Нет папаши в комнате — он в «Русские ведомости» вопьется. Вошел папаша в комнату — он сейчас страничку перевернул и пошел наставлять от князя Мещерского, как надлежит драть кухаркина сына в три темпа. И получилось из такой Никиной двойной читанной бухгалтерии два невольных самообмана.

«Твердый дворянин из Ники будет!» — думал отец.

На станции же о нем говорили:

— А сынок-то не в папашу вышел. Свободомыслящий! Это ничего, что он тихоня. Не смотрите! Вот достанутся ему Большие Головотяпы, он себя покажет! От всех этих дворянских папашиних затей-рацей только щепочки полетят.

И отец и станция равно глубоко ошибались. Из всего, что было Нике темно и загадочно в жизни, всего темнее и загадочнее оставался вопрос:

— Что, собственно, я, Никандр Обманов, за человек, каковы суть мои намерения и убеждения?

От привычки урывками читать «Гражданина» не иначе как вперемежку с потаенными «Русскими ведомостями» в голове его образовалась совершенно фантастическая

сумятица. Он совершенно потерял границу между дворянским охранительством и доктринерским либерализмом и с полной наивностью повторял иногда свирепые предики князя Мещерского, воображая, будто цитирует защиту земских учреждений в «Русских ведомостях», либо, наоборот, пробежав из-под листа «Гражданина» передовицу московской газеты, говорил какому-нибудь соседу:

— А здорово пишет в защиту всеобщего обучения грамоты князь Мещерский!

Смерть Алексея Алексеевича очень огорчила Нику. Он искренне любил отца, хотя еще искреннее боялся, И теперь, стоя над засыпанною могилою, — с угрызениями совести сознавал, что в этот торжественный и многозначительный миг, когда отходит в землю со старым барином старое поколение, чувства его весьма двоятся, и в уши его, как богатырю скандинавскому Фритьофу, поют две птицы, белая и черная...

«Жаль папеньку!» — звучал один голос.

«Зато теперь вольный казак!» — возражал другой.

«Кто-то нас теперь управит!»

«Можешь открыто на «Русские ведомости» подписаться, а «Гражданин» хоть ко всем чертям послать».

«Все мы им только и жили!»

«Теперь mademoiselle Жюли можно и колье подарить...»

«Что с Обмановкой станется?»

«Словно Обмановкою одной свет сошелся. Нет, брат, теперь ты в какие заграницы захотел, в такие и свистнул».

«Сирота ты, сирота горемычная!»

«Сам себе господин!»

Так бес и ангел боролись за направление чувств и мыслей нового собственника села Большие Головотяпы, Обмановки тож, и так как брал верх то один, то другой, полного же преферанса над соперником ни один не мог возыметь, то физиономия Ники несколько напоминала ту карикатурную рожицу, на которую справа взглянуть — она смеется, слева — плачет. Но что в конце концов слезный ангел Ники должен будет ретироваться и оставить поле сражения за веселым бесенком, в этом сомневаться было уже затруднительно.

*Русская сатира XIX — начала XX веков.
М.—Л., 1960, с. 337—341.*